

Узнав, что Ци Хань собирается за его спиной уйти в больницу и пережить восприимчивость в одиночку, Фу Гэ не стал суетиться.

Он просто незаметно спрятал скандальный подарок Чэнь Сина, безмятежно отсидел за столом ужина с дедом, ни разу не выдав себя, а потом спокойно продолжил подыгрывать Ци Ханю в его театре.

В какой-то момент в доме появилась бригада рабочих — по приказу Ци Ханя они выделили в главном здании три огромных кабинета: по одному для него и Фу Гэ, а третий, самый просторный, по размеру больше походивший на склад, предназначался для Ци Цзи — под его научные труды, исследования и старые рукописи.

В памяти Фу Гэ Ци Цзи всегда был серьёзным, даже слегка чопорным учёным, человеком, посвятившим всю жизнь науке, бесконечным экспериментам и исследованиям. Он жил работой, забывая о себе, семье, сыне.

Но, помогая Ци Ханю разбирать бумаги, он случайно нашёл кое-что, что заставило его усомниться в этом образе.

На дне стопки толстых отчётов с экспериментальными данными, среди сложнейших формул и расчётов, была записана всего одна небрежная фраза:

«Снять зелёную кожуру с арбузной корки, нарезать длинными полосками, замариновать с соевыми бобами на 4 часа. Обязательно довести мелкого Ханя до слёз от зависти.»

Фу Гэ с трудом удержался от смеха, схватил листок и, ткнув в него пальцем, показал Ци Ханю:

— Это папа писал? — глаза его светились весельем. — Записывать рецепт солёных арбузных корок прямо в лабораторных данных... Ты в детстве так их любил?

Ци Хань медленно провёл пальцами по резким, чуть торопливым линиям почерка, и на его губах тоже заиграла улыбка. Безжалостный, хищный, всегда собранный Ци Хань, заговорив о своём отце, смягчился, взгляд потеплел, в нём мелькнула тёплая, далёкая ностальгия.

— Он совсем не такой, каким его рисуют в прессе. На самом деле, он не строгий профессор, а старый гурман, который всё свободное время тратил не на науку, а на то, чтобы экспериментировать с едой и искать новые вкусы для меня.

Фу Гэ улыбнулся, прижался к нему со спины, обхватил за талию, тёплой щекой потерся о лопатки.

— Это так мило... — он выдохнул, чуть завидуя. — Вот скоро лето... может, он сейчас сидит где-то с моим папой и спорит, как правильно делать эти маринованные корки?

Ци Хань быстро наклонился, подхватил его на спину и, смеясь, пару раз тряхнул, будто примеряясь к весу.

— Тогда ты сильно усложнил ему задачу. — Он криво усмехнулся. — Папа ужасно забывчивый. У него в голове автоматическая сортировка: всё, что касается науки, запоминается мгновенно и навсегда, а всё остальное — семь секунд, и нет. Поэтому он так спешил записывать рецепты прямо на рабочих чертежах, иначе уже к следующему дню забыл бы.

Глаза Фу Гэ лукаво сверкнули.

— Ты хочешь сказать, что он записывал ВСЕ рецепты?

— Ну да. Всё, что я ел в детстве, он где-то зафиксировал, иначе бы не смог повторить.

— ...

Ци Хань почувствовал, как Фу Гэ напрягся, что-то быстро прокручивая в голове, и, не раздумывая, развернул его, усадив на край стола. Внимательно взгляделся в его лицо, ладонью бережно сжав талию.

— О чём задумался, маленький мозговой штурм?

Фу Гэ слегка сощурился, но прежде чем успел ответить, его нос вдруг ткнули пальцем.

— Хм... думаю, ты опять собрался меня целовать.

Ци Хань сжал губы в ухмылке, провёл пальцами по его подбородку, по тёплой коже щеки, зарываясь в волосы.

— Мой маленький котёнок, ты в последнее время такой послушный...

С каждым днём, чем ближе был его восприимчивый период, тем неистовее становилось тело. Он пил холодную воду литрами, вцеплялся глазами в Фу Гэ так, будто собирался его сожрать, и чем больше пытался сдержаться, тем сильнее дрожала в нём натянутая до предела струна.

Как только наступали такие моменты, Фу Гэ тут же начинал ёрзать на месте, беспомощно цепляясь за миску и бормоча что-то невнятное:

— Я... я ещё не доел...

Ци Хань медленно, с ленивой насмешкой провёл языком по зубам, чуть сильнее опёрся руками

на стол, горло дёрнулось, словно он прокручивал что-то в голове.

Потом хлопнул по своему бедру и совершенно невозмутимо приказал:

— Иди сюда. Я тебя покормлю.

Сказано было на полном серьёзе. Хотя очевидно, что есть ему никто не даст.

Фу Гэ прекрасно знал, как тот себя чувствует, как сжимает зубы, чтобы не сорваться, поэтому почти никогда не отказывал, и сейчас тоже послушно позволил ему целовать себя, даже сам запрокинул голову, медленно, нежно касаясь губами его шеи, его ключиц, его пульсирующего горла.

В глазах поднимался туман, а пальцы, цепляясь за руку Ци Ханя, слабо сжимались на его предплечье.

— Ахань... я тут подумал... у нас ведь в следующем задании по курсу будет проект на технологическую тему... — он чуть запнулся, голос был мягкий, с намёком на хитрую просьбу.
— Я пока не придумал, о чём писать... Можно мне поискать вдохновение в рукописях твоего папы?

— Конечно можно. — Ци Хань чуть отстранился, позволив ему перевести дух, но тут же переплёл их пальцы, крепко сжав. Веки его полуприкрылись, а голос стал ленивым, тягучим:

— Но так просто я тебе это не отдам.

Фу Гэ выдохнул короткий смешок, самую малость прищурившись.

— Фу-ге снова должен заплатить?

— Разумеется.

Он чуть сдвинулся, пальцы пробежали по тонкой талии, скользнули к поясу.

— Что ж, ты просто беспардонно наживаешься на своих... — Фу Гэ вздохнул, потом нарочито устало потянулся и опустил ладонь на его поясницу, пальцы лениво почесали там, где начиналась поясница, едва заметно зацепив ногтями. — Только вот беда, денег у меня нет.

Ци Хань подавил улыбку, а через секунду уже наклонился ближе, крепко схватив его за затылок, впечатывая в поцелуй.

— Тогда плати чем-нибудь другим.

Последующие несколько дней Фу Гэ, сославшись на «поиск вдохновения», буквально поселился в кабинете Ци Цзи, с головой зарывшись в старые записи.

Ци Хань, не желая мешать, не трогал его, но когда день за днём Фу Гэ выходил с красными, уставшими глазами, его терпение лопнуло.

Он усадил его перед собой, наклонился и, держа его за подбородок, осторожно закапал капли в пересохшие глаза, глядя на него с недовольством, в котором пряталась тревога.

— Ты что-то ищешь? — пальцы медленно провели по его скуле, тёплым касанием забирая напряжение. — Просто скажи мне, и я помогу.

Фу Гэ вздрогнул от лёгкого прикосновения к векам, но вместо ответа сжал его запястье, будто не давая отстраниться.

— Ты уже убиваешь глаза. — Голос Ци Ханя стал резким, в нём чувствовалась твёрдость, которая не терпела возражений. — Если ты не прекратишь, я закрою кабинет.

Фу Гэ вскинулся на него с испуганным возмущением.

— Нет-нет, не закрывай!

Голос его сорвался, стал тише, мягче, пальцы неуверенно сжали ладонь Ци Ханя, словно прося не злиться.

Свежие капли лекарства только что упали в глаза, и теперь, стекая по щекам, они напоминали слёзы.

От чего-то это выглядело особенно жалко, трогательно, и Ци Хань разжал челюсти, сдался.

— Только один день. — Он вытер прохладной подушечкой пальца влажную кожу. — Иначе — всё.

С таким лицом ему ещё и отказать?

Ци Хань выдохнул, разжал пальцы и махнул рукой — мол, делай, что хочешь, но завтра всё.

Фу Гэ радостно отмахнулся, зевнул, но тут же, едва свернув в сторону кабинета, прибавил шаг, вернулся к своим бумажным завалам. Он уже обложился десятками стопок рукописей, каждая

доходила ему до плеча, но упорно продолжал перебирать.

Он изначально не особо рассчитывал на удачу — всё-таки, это лишь треть рукописей, остальные хранились в исследовательском институте, так что то, что он искал, могло и не оказаться здесь.

Но даже если шанс был один на тысячу — он не собирался сдаваться.

— Мелкий, пора спать.

В дверь дважды мягко, но настойчиво постучали. Ци Хань пришёл в тот самый момент, когда обещал, и явно не собирался уходить без него.

Фу Гэ неохотно ответил, но остановиться не смог. Аккуратно сложил в стопку бумаги, которые держал, и поднялся, но глаза в этот момент так резануло от усталости, что мир перед ним качнулся, и он едва не рухнул обратно.

Вцепился в край стола, пошатнулся, и в этот же момент облако пыли поднялось прямо ему в лицо.

— Чёрт...

Острые бумажные крошки влетели в глаза, в горло, резанули по пересохшей слизистой — он тут же зажмурился, болезненно морщась, и ощутил, как по щекам покатились слёзы. Рефлекторные, но горячие и настоящие.

А затем... он увидел это. Потрёпанный лист жёлтой бумаги.

На нём две тонкие строчки, написанные торопливым, размашистым почерком.

Полминуты спустя Фу Гэ сорвался с места, вылетел из комнаты, влетел в гостиную и, не замедлив ни секунды, с разбегу врезался в объятия Ци Ханя.

Схватился за него так, будто боялся, что тот растает.

Дрожащим голосом прошептал:

— Я нашёл... я правда нашёл...

Словно сам не мог в это поверить.

Ци Хань сгреб его за талию, проводя ладонью по его спине, пытаясь уловить смысл сказанного.

— Что ты нашёл? Идею для проекта?

Фу Гэ слегка покачал головой, но не ответил сразу.

— Через несколько дней расскажу.

Эти «несколько дней» пролетели незаметно. Наступила середина месяца.

День, когда Ци Хань «должен был уехать в командировку». На самом же деле — его настоящий период восприимчивости.

Чтобы не сорваться раньше времени, он почти не касался Фу Гэ последние дни, держался на расстоянии, а накануне вечером вообще остался ночевать в бизнес-клубе, даже не вернувшись домой.

Фу Гэ всё понимал.

Только выждал два часа до отъезда, а затем, схватив подготовленную вещь, поймал его прямо перед самым выходом.

В этот момент Ци Хань уже был на грани. Раздражение жгло каждую клетку, под кожей кипело нетерпение.

И тут ещё и отчёты, которые подсовывали один за другим, чепуха, цифры, формальности...

Когда дверь его кабинета вдруг распахнулась, он даже не поднял головы, а просто выдал холодно, без терпения:

— Вон.

Но в следующий момент поднял взгляд.

И замер.

В дверях стоял человек, которого он ждал дни и ночи, которого изо всех сил пытался держать на расстоянии, но всё равно хотел до безумия.

Брови, с минуту нахмуренные, тут же разгладились, напряжение схлынуло, дыхание сбилось

на долю секунды.

— Гэ?..

А маленький бета, который видел, как его лицо изменилось в одну секунду, расплылся в хитрой, довольной улыбке.

— Ну, раз ты занят, тогда я пошёл?

«Я посмотрю, осмелишься ли ты».

Резко поднявшись, он шагнул к двери и схватил его за руку, лениво потерев пальцами.

— Сегодня же у тебя пары, не так ли?

— Взял отгул, принёс тебе немного тепла.

На нём было длинное песочного цвета пальто, плотно застёгнутое на все пуговицы, с поясом, аккуратно перехватывающим талию. Закрыт наглухо — от шеи до самых лодыжек.

— Чего ты злишься? Кто-то довёл?

— Даже не спрашивай. — Ци Хань рухнул в кресло, притянул его к себе, усадил на колени и уткнулся носом в мягкие пряди у его шеи, глубоко вдыхая запах. — Полдня в бумагах, чем больше смотрел, тем больше бесило. А после обеда ещё командировка. Три дня без тебя.

Маленький бета заботливо принялся растирать ему виски, наклонился ближе, ласково, почти шутливо, но с тёплой ноткой утешения:

— Ну-ну, не злись, председатель Ци, брат тебя пожалеет.

Альфа усмехнулся приглушённо, лукаво:

— Чем пожалеешь? С собой?

— Опять за своё! — Фу Гэ хлопнул его по спине, но несильно, скорее игриво, и поднял в руке аккуратный пищевой контейнер. — Это сюрприз для мистера Медведя.

Белоснежная ткань скользнула по столу, пищевой контейнер занял своё место, крышка с мягким щелчком легла рядом. Внутри, сверкая золотистой корочкой, лежала тарелка

свежеприготовленных хрустящих рыбок.

Ещё в детстве Ци Хань обожал их. Никто не знал, каким особым маринадом пользовался его отец, но в этом вкусе солёное тепло смешивалось с едва уловимой фруктовой сладостью.

Жаль только, что после смерти отца он больше никогда их не ел.

— Ну, я не уверен, что получилось... — маленький бета вдруг занервничал, ловко подцепил кусочек, аккуратно освободил от косточек и поднёс к его губам. — Попробуй. Если не то, я переделаю.

Ци Хань не смог сдержать усмешки — этот вид его забавлял, и всё же, послушно раскрыв рот, он принял кусочек.

— Чего ты так переживаешь? Всё, что ты готовишь, я и так люб—

Он резко замолчал.

Жевательное движение застыло, взгляд потемнел, а потом медленно, с осторожным недоверием он пробормотал:

— Этот вкус... почему он в точности такой же, как у моего отца...

Глаза покраснели.

Фу Гэ хрипло рассмеялся:

— Правда?

В его взгляде стояла тихая, прозрачная радость, словно сбывшееся желание, словно он ждал именно этих слов. И в тот же миг Ци Хань будто прозрел.

— Брат, ты четыре дня искал в кабинете... что именно ты искал?

— При мариновании рыбы нужно добавлять белый уксус и яблочное пюре, — сказал он негромко. — Отец записал этот рецепт на внутренней стороне папки с документами. Я нашёл его только в последний день.

Ци Хань безмолвно шевельнул губами, чувствуя, как комок подступает к горлу. Сердце сжалось так сильно, что он не знал, что сказать.

— Ты искал его четыре дня без сна, без отдыха... просто ради какого-то рецепта?

— А что, нельзя? — Фу Гэ с лёгкой горечью усмехнулся. — Ты не раз в шторм карабкался в горы, чтобы помочь мне отыскать могилу отца. Почему я не могу потратить всего несколько дней, чтобы найти для тебя один-единственный рецепт?

Он прикусил губу, прогоняя дрожь в голосе, но предательское тепло уже подкатывало к глазам.

— Ты ведь сам говорил мне в старшей школе... В тот день, когда это случилось, был Ли Цю, отец жарил тебе рыбу на ужин. Если бы не эта парочка мерзавцев, ворвавшаяся в дом, вы бы могли спокойно доесть тот ужин...

Ци Хань замер, и вдруг слёзы, горячие и безудержные, прорвались из уголков его глаз.

— Я тогда сказал это просто так... А ты до сих пор помнишь...

Фу Гэ тихо улыбнулся, поднялся на цыпочки и нежно коснулся губами влажных ресниц, осторожно собирая его слёзы.

— Я знаю, что у меня нет такой силы, — он говорил медленно, словно каждое слово было обещанием. — Я не могу изменить прошлое, не могу стереть твои потери. Но я могу постараться вернуть тебе хоть что-то. Мой А Хань достоин самого, самого лучшего.

Ци Хань застыл, оглушённый, сжимая его в руках, словно боялся, что если ослабит хватку, тот исчезнет. В груди что-то хрупко хрустнуло, рассыпаясь, как осенний лист под лёгким нажатием пальцев.

— Так вот какой сюрприз ты для меня приготовил... Спасибо, малыш... Мне... мне правда очень нравится...

Маленький бета мгновенно вспыхнул, его пушистая макушка спряталась в изгибе его ключицы, а голос сорвался на дрожащий, едва слышный шёпот:

— Это... ещё не всё...

Он медленно взял его ладонь и подтянул к своему воротнику, дыхание сбилось, кончики ушей покраснели, а пальцы дрожали от волнения.

— Помоги мне... снять пальто...

Глаза альфы едва заметно сузились. Он склонился ближе, изучая его взглядом, чуть хрипло, но мягко спросил:

— Такой стыдливый... Что же ты там для меня подготовил?

— Говорят... тебе это должно понравиться...

Фу Гэ пылал с головы до ног, лёгкий озноб пробежал по его губам, но он всё же решился, посмотрел прямо ему в глаза, взял его ладонь своими горячими, дрожащими пальцами и медленно, с затаённым дыханием, распахнул своё пальто.

И это было самое прекрасное зрелище, которое Ци Хань когда-либо видел.

Его любовь, его мальчик, которого он лелеял в сердце вот уже пять лет, чистый и невинный, как цветок колокольчика, теперь стоял перед ним в чёрном облегающем ципао.

Тонкая, струящаяся ткань, расшитая сложным узором облаков, подчёркивала изящество, а разрез был настолько высоким, что едва скрывал то, что сводило его с ума. Прямая, гладкая ключица дрожала в лёгком сквозняке, а из-под ткани мелькали белоснежные, соблазнительные ножки, заставляя разум плавиться, тело напрягаться, а дыхание сбиваться.

Фу Гэ, такой тонкий, такой мягкий, вдруг предстал перед ним воплощением чувственности. А его влажные, застенчиво опущенные глаза, словно хлестнули плетью прямо в грудь — хлёстко, жгуче, оставляя след.

Ци Хань смотрел, не отрываясь. Внутри всё взорвалось, взметнулось, и долгие годы сдерживаемой тоски наконец прорвались наружу, как лавина, сметающая всё на своём пути.

Этот человек — его.

И теперь его нежная, смущённая роза сама раскрывает лепестки навстречу...

— Ну... как я выгляжу? — Голос Фу Гэ был едва слышен, срывался на тонкую дрожь, как тающий на солнце край мороженого. — Чэнь Син сказал, что тебе нравится... Но я не знаю... не выгляжу ли я в этом странно...

Он даже не осмелился взглянуть на себя в зеркало — лишь наспех закутался в пальто и поспешил сюда.

Ци Хань с трудом заставил себя оторвать взгляд от его ног, коротко фыркнул:

— Ты спрашиваешь, хорошо ли ты выглядишь?

Щёки беты вспыхнули алым, сердце болезненно сжалось. Он уже было решил, что всё испортил...

Но в следующее мгновение сильные руки резко притянули его в горячие объятия. Ладонь Ци Ханя на его талии горела, будто в лихорадке, а голос был низким, хриплым, словно натёртый о наждак:

— В голове пронеслось сто разных способов, как бы запереть тебя у себя навсегда.

Фу Гэ вздрогнул, внутри что-то оглушительно рванулось, взрывая стыд, разметывая в щепки последние следы робости, оставляя лишь эту невыносимую, щемящую привязанность, это неостановимое желание.

Он неловко повёл ногой, почти жалобно дёрнул подол ципао и прошептал:

— Я давно знал...

— Знал что? Что мне нравятся ципао?

Фу Гэ вспыхнул пуще прежнего, взял его пальцы и злостно прикусил, глядя исподлобья:

— Знал, что сегодня твой пик чувствительности. Я отменил твою бронь на изолятор в больнице. Так что у тебя нет другого выхода, кроме как остаться со мной.

Ци Хань выдохнул с явным бессилием, горло дрогнуло, кадык медленно скользнул вверх-вниз. Две недели его тело горело в мучительном ожидании, балансируя на грани, и теперь предел был уже слишком близко. Он стиснул подлокотники кресла, заставляя себя не сорваться, и хрипло спросил:

— Ты был со мной в первый раз, когда мне исполнилось восемнадцать... Ты вообще помнишь, каким я становлюсь в пик чувствительности?

— Нет... — Фу Гэ покачал головой и доверчиво прижался к нему, словно маленькое ленивое животное. Губы шевельнулись в лёгкой, почти дразнящей улыбке. — Но я помню, что оставил дома больше пятидесяти ципао. И с ушками. Можешь выбрать любое, я надену для тебя...

Он смотрел снизу вверх, покрасневший, беззащитный, губы алели от волнения, в голосе слышалась тихая дрожь:

— Я не хочу быть твоим маленьким котёнком на двадцать минут. Я хочу быть им всю жизнь.

Гром весенней грозы ударил прямо в грудь, разрывая последнее сопротивление.

Ци Хань резко вскочил, одним взмахом смахнул со стола всё, что было на нём, сбросил пиджак и расстелил его, прежде чем усадить туда своего маленького бета.

— Малыш, боюсь, Чэнь Син что-то тебе недоговорил.

Он перехватил его тонкое запястье, коротко поцеловал его и, наклонившись, горячо выдохнул прямо в ухо:

— Мне не нравится смотреть, как кто-то носит ципао.

Голос сорвался, охрип.

— Мне нравится его рвать.

<http://bllate.org/book/14453/1278381>